

УДК 35.075.1

Особенности института выборов и представительных органов в истории российской государственности

Лаврентьева Нина Анатольевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат исторических наук, доцент
lavrentvtatyana@yandex.ru

Аннотация: В работе исследуются особенности формирования и развития выборов и представительных органов, как одного из институтов защиты прав человека в России на разных этапах ее исторического развития. Выявляется своеобразие этих правозащитных институтов в отличие от идентичных институтов гражданского общества в Западной Европе, их действенность в условиях России и ограниченность. **Ключевые слова:** выборы, вече, права человека, защита прав человека, институты защиты прав человека, земства, органы самоуправления.

Понятие защиты прав человека напрямую сопрягается с выборным началом, развитием представительных (в той или иной степени) органов. Поэтому выборные органы в истории российской государственности практически всегда можно рассматривать как защитные институты и с позиции прав личности в социуме.

«Ошибочно утверждать, что понятие прав человека появилось в России лишь в постсоветское время: еще в средние века Новгородская и Псковская республики воплощали в себе идею широкой народной вольницы» [1], — утверждал, в частности, в 2003 г. О. О. Миронов, будучи Уполномоченным по правам человека Российской Федерации.

UDC 35.074.1

Features of institute of elections and representative bodies in the history of the Russian statehood

Lavrent'eva Nina Anatol'evna, associate professor of the department of social and humanities disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (history), associate professor

lavrentevatyana@yandex.ru

Annotation: This work is about particularities of the shaping and developments choice and representative organ, as one of the institute of protection of the human rights in Russia on miscellaneous stage its history development. The particularities of these protection institutes are revealed unlike identical institute of civil society in West Europe; their effectiveness in condition of the Russia and insufficiency. **Keywords:** election, veche, human rights, institutions of protection of human rights, zemstva, organs of the home rule.

Конечно, Новгородская демократия в значительной степени мифологизирована.

Та система управления, которая традиционно приписывается Новгородской земле (с приглашением и изгнанием князей, ограничением их власти сугубо военными функциями, распределением власти между князем, посадником, тысяцким и епископом) начала складываться лишь в последний период существования древнерусского государства. До середины XII в. князь являлся реальным,

действующим главой Новгорода и не приглашался вече, а занимал свое место в соответствии с принципами лестницы.

С другой стороны, вече не было каким-либо исключительным изобретением Новгорода, а являлось на определенном этапе принадлежностью любого русского княжества.

И, наконец, само по себе вече и избрание на немдолжностныхлицнеможетбытьзалогом демократичности государственного устройства.

Прежде всего, вече, формируемое из жи-

телей всего лишь одного города, брало на себя труд решать проблемы всей огромной Новгородской земли, простиравшейся от Балтии до Урала.

И далее, независимо от того, считаем ли мы, что на вече были представлены исключительно бояре либо все самостоятельные домохозяева, они, так или иначе, составляли явное меньшинство населения и самого города.

Кроме того, система подготовки и принятия решений (с оглашением их на слух, без предварительного чтения, и голосованием в буквальном значении этого слова, по силе голоса) была такова, что решения, формально принимаемые на вече, фактически предопределялись узкой группой лиц, их готовивших. Иначе говоря, и здесь торжествовал общий управленческий принцип, гласящий, что все публичные решения принимаются не публично.

Новгород был типичной аристократической или, как писал Н. И. Костомаров, купеческой республикой: с преобладанием центробежных сил над центростремительными и дисперсно организованной политической элитой, представлявшей собой партии — фамилии — торговые дома, в основе консолидации которых лежали экономические интересы. В этих условиях вече было послушным орудием Совета господ, как органа согласования интересов различных партий, стоявших за решениями вече. Процесс формирования высшего управленческого слоя носил закрытый аристократический характер «с признаками замкнутой правительственной олигархии» и полностью определялся позицией немногих богатейших семей [2, с. 32].

В основу социальной иерархии был положен имущественный ценз, что служило причиной глубокой социальной и земской розни и дало основание В. О. Ключевскому для определения сущности политической организации Новгорода как «поддельной, фиктивной демократии» [3, с. 153]. Аналогичным образом характеризует Новгород Р. Пайпс: «Решающая власть на вече находилась в руках новгородских бояр, патрициата, ведущего свое происхождение от старой дружины и состоящего из сорока виднейших фамилий... Эти фамилии монополизировали все высокие должности и в немалой степени определяли характер принимаемых на вече решений. Независимость их не знала себе подобия ни в одном русском городе, ни тогда, ни после» [4, с. 70]. В основе внутривластных конфликтов в Новгороде лежали экономические причины, а политическая власть по существу была инструментом реализации экономических интересов: «Князь нужен был Новгороду не только для внешней обороны, но и для расширения и обеспечения торговых оборотов..., — борьба княжеских партий <...> была собственно борьбой новгородских торговых домов, соперничавших друг с другом» [4, с. 71].

Стремление к воссозданию начал выборности, в значительной мере, утраченное или, во всяком случае, потерявшее былое значение в периоды татаро-монгольского нашествия и возрождения единого централизованного государства в XIV–XVI вв., в значительной степени проявилось в реформах так называемой Избранной рады первых лет правления Ива-

на IV, а именно в губной и земской реформах.

Характерно при этом, что как власть, так и население вовсе не считали выборность неким достижением или показателем общественного доверия: государство посредством реформ всего лишь скидывало вниз те полномочия, которые ему самому было осуществлять затруднительно, а население воспринимало (во многом справедливо) такую выборность не как право, а как тяжкую повинность, и стремилось от нее избавиться. Не случайны репрессии правительства против уклоняющихся от выборов, вплоть до уголовного преследования.

Главным в этих реформах стало создание новых органов местной власти — губных и земских изб во главе с губными и земскими старостами. Принципиальная новизна вновь создаваемых органов власти заключалась в том, что они были не назначаемыми, а выборными, причем во время выборов соблюдался принцип представительства от местных сословных групп.

Губная реформа начала проводиться еще до прихода к власти Ивана Грозного: первые грамоты датированы 1539 г. Однако изначально губы существовали далеко не повсеместно (как нечто вроде эксперимента) и с довольно ограниченным набором функций уголовного характера. Кроме того, «губные учреждения на местах были созданы не путем ликвидации системы кормлений, а параллельно им, с тем, чтобы постепенно вытеснить управление наместниками и волостелями» [5, с. 64].

Избранная Рада внесла в эту систему только то изменение, что сделала ее с 1555 г. все-

общей, а кроме того, заметно расширила полномочия губных старост. Согласно реформе, «часть полномочий наместника передавалась выборным людям — губным старостам и его помощникам — «лучшим людям», замененным вскоре целовальниками (утверждались «целованием креста»). Губной староста избирался из дворян, а целовальники — из крестьян и посадских. Выборные люди ловили, судили и даже казнили разбойников, заведовали тюрьмами и регистрировали приезжих» [6, с. 14]. Добавим, что губной староста был дворянином, как правило, но не всегда: «в Поморье, где поместного землевладения вообще не было, даже губные старосты избирались из числа посадских и волостных людей, а иногда вообще их функции передавались земским старостам» [7, с. 380]. И если изначально губы понимались как судебные округа, то это, впрочем, не мешало им заниматься проблемами, далеко выходящими за пределы юридических: такими, как земельные отношения, промыслы, рыбная ловля и т. д. [8, с. 49].

С введением выборности руководители территорий утратили важные полномочия, которыми прежде наделялись назначаемые чиновники (сбор податей, налогов и т. п.).

Иначе говоря, Избранная Рада Ивана IV пошла на реформу не потому, что была принципиальной сторонницей выборности и местного самоуправления, а из-за нехватки управленческих кадров и средств в казне на их содержание.

Суть реформы состояла в наделении властными функциями именно выборных учрежде-

ний и в насыщении их, помимо всего прочего, и широкими судебными прерогативами. Местные выборные органы должны были отчасти компенсировать слабость государства, уже способного отказаться от кормленщиков, но еще не готового создать бюрократизированную, разветвленную ветвь административной, налоговой и судебной власти на местах. Встроенные в вертикаль власти, земские и губные органы самоуправления были призваны обеспечить функционирование государственной власти в низовом звене.

Однако разумные в целом реформы, позволившие рационализировать и упорядочить государственное управление, просуществовали недолго. Учреждение опричнины в 1565 г. привело к коренным изменениям в управлении: вся страна была произвольно поделена на опричнину и земщину, тем самым были созданы параллельные структуры власти. В свою очередь, уничтожение опричнины означало в то же время и определенный возврат к структуре управления, сложившейся перед ее началом.

При этом политический режим приобрел весьма своеобразный характер. Формально монархия продолжала функционировать как сословно-представительная: действовали Боярская дума, Земские соборы; но, тем не менее, даже после отмены опричнины в 1572 г. ни один высший чиновник не мог чувствовать себя свободным от бессудных преследований, вплоть до казней. Тем более слабой в этих условиях становилась правовая защита податных слоев населения.

Симптомом подспудного протеста обще-

ства против всеохватной государственной регламентации после перехода к императорскому периоду российской государственности стала попытка внедрения в России аристократического (но стремившегося к расширению состава) представительства, предпринятые практически сразу после смерти первого императора. Наиболее известной из них стал так называемый «заговор верховников» в январе–феврале 1730 года, когда после смерти Петра II несколько виднейших руководителей Верховного тайного совета во главе с Д. М. Голицыным попытались связать новую императрицу Анну Иоанновну обязательством ограничить свою власть «кондициями», или условиями, которые предоставляли Верховному тайному совету едва ли не законодательные функции.

Политическая система в результате переставала быть самодержавной. Симптоматично, что Д. М. Голицын защищал тезис о том, что не персоны должны управлять законами, а законы — персонами. Эта мысль восходит к постулатам правового государства.

Боярская спесь «верховников», нежелание договариваться со своими вероятными союзниками и даже ставить их в известность о своих намерениях, непроясненность самих этих намерений заставили многих исследователей говорить о реакционной направленности заговора верховников, обвинять их в защите своих узкосословных привилегий. Между тем при всех своих слабостях проект верховников давал возможность создания противовеса абсолютной власти монарха, а вектор развития неизбежно привел бы новый представи-

тельный элемент к расширению сословных рамок, ибо внутренняя логика развития лютого представительного органа приводит его к постепенной ломке цензовых ограничений.

Следующим этапом в развитии выборных институтов, которые могут рассматриваться в той или иной степени как защитные, стала Уложенная комиссия, созданная в 1767 году Екатериной II. Стремясь преодолеть безрезультатность действий предыдущих комиссий (заседавших, начиная с 1727 г.), императрица пришла к мысли заметно демократизировать ее состав, более полно представив в ее работе различные социальные и этнографические группы населения империи. Особенно интересен в этом отношении тот факт, что в числе избранных депутатов были и крестьяне, правда, только государственные. Духовенство было вовсе исключено из представительства.

В особые группы было определено казачество. Среди городских избирателей были выделены не только купечество и цеховые, но и мещане. В ходе выборов в Уложенную комиссию были окончательно сформулированы те принципы, которые господствовали в избирательной системе России до 1917-го, а в некоторых чертах и до 1936 года: куриальность, многоступенчатость, сословный характер представительства.

Комиссия не завершила работы, и главными причинами стали не нарастание угрозы войны с Турцией или восстание Пугачева, а прежде всего неспособность основной части депутатов подняться над узко понимаемыми сословными интересами. Дворяне видели

главные причины тягот крестьян в избытке «свободы», утверждая, что там, где крестьяне не имеют помещика над собой, от такой свободы становятся ленивы и упрямы. Горожане, в свою очередь, протестовали против крестьянской торговли и ремесла, настаивая, что крестьяне должны заниматься земледелием и не лезть в чужие дела, мешая «природному занятию» купцов и ремесленников. Крестьяне жаждали «воли» — и земельной, и торговой.

Дворяне изложили свои претензии к исполнительной власти в документе под названием «Права дворянства российского», где высказали следующие пожелания: ограничить действие «Табели о рангах», запретив пожалования в дворянство за государственную службу, и тем самым оградить дворянство от притока разночинцев; ограничить возможности чиновников воздействовать на дворян и тем самым увеличить возможности для дворянского произвола; усилить власть помещика над крестьянами, запретив им жаловаться на хозяев; дать дворянам свободу службы; ввести на местах систему ландратов, ведающих делами в уездах в интересах дворян. Таким образом, права дворян вступали в противоречие с правами иных сословий.

Эти требования сыграли, во многом, ключевую роль в последовавшем роспуске комиссии; но, вместе с тем, поспособствовали утверждению впоследствии, в 1785 г., Жалованной грамоты дворянству, которая создавала, впервые в России, корпоративные сообщества — выборные дворянские собрания в уездах и губерниях, как органы местного

самоуправления.

Обращает на себя внимание временной лаг между Манифестом 1762 г. и Жалованными грамотами дворянству и городам, принятыми в 1785 г.: прошло 23 года, прежде чем Екатерина II восприняла те же идеи, которые были заложены в указе Петра III.

Объясняется такой временной лаг, разумеется, не тем, что Екатерина II недооценивала значение сословных вольностей либо противилась установлению таких. Наоборот, общеизвестна тяга императрицы к либерализму и идеям французских просветителей, в которых обстоятельно рассматривалась проблематика прав человека.

Поэтому и затяжка с утверждением Жалованных грамот объясняется, прежде всего, тем, что Екатерина II опасалась такого эффекта, когда чрезмерные предпочтения дворянству чересчур усилят его политическую роль и, тем самым, скорее замедлят предоставление прав и свобод представителям иных сословий.

Переход к закреплению сословных привилегий дворянства произошел только после того, как Екатерина II убедилась, с одной стороны, в отсутствии реформаторского потенциала у дворянства в целом, как сословия, и, с другой стороны, в опасности ориентации на крестьянство после подавления крестьянской войны Е. И. Пугачева.

Вынужденность принятия Екатериной II Жалованных грамот может быть объяснена, поэтому, не стремлением ограничить права личности, а опасением того, что может произойти чрезмерный перекося в уровнях прав

различных категорий граждан.

Конечно, является фактом то, что выборность, установленная Жалованными грамотами, была сословной по характеру, и сословия были неравноправны. Но к тому, что в конце XVIII — середине XIX веков органы сословного представительства могли выбирать только дворяне (или купцы), можно относиться, как к противопоставлению: дворяне могут, а крестьяне не могут голосовать; но можно и как к процессу: сегодня дворяне могут, а завтра смогут и крестьяне. Нам представляется более продуктивным подход к сословному вопросу именно не как к состоянию неравноправия сословий, а как к процессу постепенного продвижения гражданских прав все более в массы населения.

Иначе говоря, и «Манифест» 1762 г., и последовавшие за ним Жалованные грамоты 1785 г. можно рассматривать как манифестацию особого, привилегированного положения одного из сословий, но можно — и как начало поступательного процесса расширения гражданских прав всех категорий населения.

Именно Жалованные грамоты предопределили появление особого, государственно-общественного механизма управления, подразумевавшего известное (и временами значительное) участие различных слоев населения в принятии решения на всех уровнях управления.

Попытки привлечения к управлению выборной общественности делались и при Избранной раде (земские и губные учреждения), и при Петре I (ландраты, ратуши, магистраты), но впервые масштабно, как управленчес-

кий принцип, привлечение общественности, выборного элемента к государственному управлению было заявлено в ходе реформ Екатерины II. Сильнейшей стороной ее преобразований был не сугубо государственный, а именно государственно-общественный характер создававшихся вновь местных учреждений.

Необходимо оговориться, что общественной такая система управления может быть названа лишь условно, поскольку общественность была жестко сословной. На губернском уровне общественность была практически сугубо дворянской, на городском уровне существовал также и купеческий элемент, а участие крестьян в управлении допускалось лишь на уровне деревенской общины.

Оговоримся также, что при проведении преобразований в жизнь вполне проявилось характерное и для других периодов истории России (земско-губная реформа Избранной рады, городская реформа Петра I, попытки созыва Уложенной комиссии) восприятие общественной службы, службы по выбору, как тягла, ярма; «пренебрежение знатного и состоятельного дворянства службами по выбору», когда «стремление к такой службе обнаруживали, прежде всего, дворяне, по имущественным и образовательным параметрам находящиеся на низших ступенях дворянского общества, не имевшие иных возможностей реализации» [7, с. 100]. Очевидно, это было следствием того, что выборные должности были принципиально неоплачиваемыми и не несли с собой никаких привилегий.

Тем не менее, нельзя недооценивать вне-

дрение выборного элемента в ткань государственного механизма. Можно говорить, что именно с екатерининских реформ в России стали возрождаться земства, а с развитием земств прямо связаны и проблемы формирования гражданского общества в России. Можно, таким образом, считать, что первые элементы его, пусть зачаточные, начали появляться именно в связи с реформами Екатерины II, когда была разрешена деятельность общественных объединений — вначале в среде первого сословия, в виде дворянских собраний, затем во втором сословии, в виде купеческих гильдий.

«Не только предводители, депутаты и другие представители сословного дворянского общества, но и целый ряд чиновников, являвшихся органом государства в местном управлении, были выборными ставленниками дворянства. По закону, дворянство избирало председателя и двух членов уездного суда, земского исправника и заседателя земского суда, председателя и двух членов совестного суда, двух членов приказа общественного призрения. Глава дворянского общества, губернский предводитель дворянства, заседал на первом месте после губернатора в комиссии народного продовольствия, общественного здоровья, дорожной, оспенном комитете, комитете коннозаводства, комитете и особом присутствии по земским повинностям. Во всех временных комитетах и комиссиях, касавшихся сколько-нибудь значительных нужд губернии, также всегда и непременно участвовали представители дворянства» [8, с. 5].

Ярким примером выборности, причем не то-

лько дворянской, но и из представителей горожан и свободных крестьян, служил приказ общественного призрения, который «содержал больницы в губернских и уездных городах, дома для умалишенных, богадельни, воспитательные дома, училища детей канцелярских служителей, сиротские дома, фельдшерские школы, тюремно-исправительные заведения; кроме того, он оказывал вспоможение гимназиям и уездным училищам, содержал стипендиатов в гимназиях, женских учебных заведениях императрицы Марии и на медицинских факультетах университетов». При этом «специальных земских исполнительных органов не существовало; их заменяли общие учреждения, т. е. почти исключительно земская полиция. В уездах были учреждены различные комитеты и комиссии смешанного состава из чиновников и выборных представителей сословий, например, дорожные комиссии, квартирные комитеты и т. п., но они, по официальным отзывам, числились только на бумаге и фактически не оказывали никакого влияния на приведение в действие земской сметы» [8, с. 8, 10, 12].

Привлечение цензовой общественности к управлению означало вместе с тем и ее включение в структуру государственного управления: служба по выбору приравнивалась к государственной службе.

Следующим важным шагом в развитии гражданского общества, оказавшим немалое воздействие на управление, стала земская реформа 1864 г., законодательно вводившая общественный элемент в управление губерниями и уездами. Заложенный Екатериной

II принцип государственно-общественного управления получил в этой реформе дальнейшее развитие.

При этом, с одной стороны, и введенные согласно реформе земские учреждения не были полностью общественными, поскольку предусматривался плотный контроль государства за их деятельностью (именно государство делало окончательный выбор председателей земств из предложенных ими кандидатов, назначало собрания, утверждало или не утверждало их решения, распускало собрания в случаях их неповиновения закону), но, с другой стороны, и управление губерниями и уездами не было сугубо государственным, поскольку в состав соответствующих учреждений были введены представители земства. Создавалась своеобразная система взаимоконтроля государства и общества.

По закону земства были чисто хозяйственными организациями. Государственная власть стремилась сбросить земствам те обязанности, которые были обременительны для нее самой (и которыми до создания земств фактически никто не занимался). При этом занятия политическими делами прямо запрещались законодательно. Но, несмотря на это, вскоре земства стали играть важную политическую роль.

В 1870 г. была проведена также и реформа городского самоуправления. Попечительству городских дум и управ подлежали, прежде всего, вопросы благоустройства, а также заведование школьными, медицинскими и благотворительными делами.

При Александре III, когда министром внутренних дел стал Д. А. Толстой, начались при-

теснения земств. В 1890 г., уже на излете своего короткого царствования, Александр III провел земскую контрреформу. По новому закону был усилен правительственный контроль над земством; в частности, над выборными земскими органами встал чиновник от правительства — земский начальник.

Для дворян-землевладельцев был понижен имущественный ценз, для горожан — повышен. Крестьянские гласные стали назначаться губернатором из числа кандидатов, заявленных на волостных сходах. Однако даже в таком урезанном виде земства сохранили свою общественную природу, а их влияние на государственное управление и политическая активность даже продолжали возрастать в конце XIX — начале XX вв.

Однако, несмотря на попятные движения в земской реформе, в целом уровень прав неуклонно расширялся. Тем же земским начальникам, в частности, предоставлялись широкие права по надзору за должностными лицами крестьянского управления и разбору приносимых на них жалоб, вплоть до временного устранения виновников с их должностей.

Земская реформа вводила также и «институт ходатая по частным делам — также своеобразного омбудсмана, наделенного определенными полномочиями по посещению присутственных мест, представлению интересов своих доверителей» [9, с. 15].

Развитие земств как органов общественно-самоуправления привело к ситуации, когда гражданские права были максимальны в сфере местного самоуправления и стремились

к нулю в политической сфере. Современная российская политическая система демонстрирует нам обратный вариант подобной дихотомии: глава государства у нас избирается населением и стремится сделать все остальные должности максимально управляемыми и назначаемыми. При современной системе население, изъявив свою волю на выборах, впоследствии утрачивает практическое влияние на дела. В XIX веке, наоборот, население не могло воздействовать на расстановку политических сил в верхнем эшелоне власти, но зато могло постоянно и результативно воздействовать на ход дел снизу: через систему выборщиков, наказания и т. д.

Начавшаяся в январе 1905 г. революция заставила правительство Николая II отказаться от твердолобой позиции, отстаивавшей неизменность политических институтов, характерных для дореформенного периода. Первым шагом по пути этого исторического компромисса с общественностью стал подписанный Николаем II 18 февраля рескрипт, подготовленный министром внутренних дел А. Г. Булыгиным, который предполагал привлечь «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». Эта осторожная формулировка была расшифрована Манифестом от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной Думы», где также была подчеркнута предварительность участия Думы в создании законодательства. Исходящие от Думы законодательные предложения должны были утверждаться вначале Государственным Советом, а затем, окон-

чительно, императором.

Более того, Дума могла лишь рассматривать законопроекты, предложенные администрацией, но не выступать с собственной инициативой законотворчества, а само рассмотрение могло начаться только после предварительного согласия императора. Император мог передать рассмотрение тех иных дел в Государственного Совета в случае, если усматривал «медленность» в работе думцев, а главное — обладал правом роспуска Думы без объяснения причин.

Выборы предполагались на январь 1906 г., однако революционные процессы развивались значительно быстрее, и становилась ясна недостаточность предложенных в Манифесте мер. Поэтому на волне всероссийской октябрьской политической стачки, угрожавшей падению режима, после громадных колебаний — от возможности бегства из страны до введения военного положения — Николай II подписал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», сохранивший программу развития гражданских свобод: неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и организаций; а также заметно расширивший полномочия и селекторат Государственной Думы.

Издание Манифеста 17 октября окончательно закрепило преобразование монархии из самодержавной в дуалистическую, при которой уже появляется избираемый населением представительный орган, но вместе с тем император по-прежнему обладает обширными полномочиями не только в сфере исполнительной власти, но и в законодательной

области: накладывает окончательное вето на принятые Государственной Думой законы либо распускает Думу «на каникулы» для издания законов помимо Думы. Представительный орган в системе власти не превращается, таким образом, в законодательный орган. Основными законами Российской империи, изданными 23 апреля 1906 г., Дума трактовалась как законсовещательный орган, что и позволило одному из последних премьер-министров империи, В. Н. Коковцову, заявить именно в стенах Думы: «У нас в России, слава Богу, нет парламента».

Наконец, в революционный период между февралем и октябрём 1917 года была введена в действие так называемая «мелкая земская единица», т. е. волостное земство, введение которого в течение полувека тормозилось именно потому, что на уровне волости невозможно было выстроить иерархию сословий по причине отсутствия в волости каких-либо сословий, кроме крестьянского. Расширилось земство и географически, т. е. введено в действие на тех окраинах бывшей империи, где недоставало привилегированных сословий. Выборы в земство стали действительно равноправными, и оно стало подлинно всесословным.

Изучение предшествующего опыта деятельности представительных органов, общественных объединений в истории России позволяет прийти к выводу, что своеобразие российской цивилизации и присущей ей политической системы не отвергает возможности осознания в ней человеком своих коренных интересов, прав и свобод, и их защиты перед

государством с помощью и института выборов, и представительных органов власти прежде всего на местах.

Примечания

1. Состоялась встреча с Уполномоченным по правам человека в РФ Мироновым Олегом Орестовичем. URL: <http://aspirant.rggu.ru>.

2. Костомаров Н. И. Русская республика. Севернорусское народоправство во времена удельно-вечевоего периода. М.: Чарли; Смоленск: Смядына, 1994.

3. Ключевский В. О. О государственности в России. М.: Мысль, 2003.

4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

5. Еремян В. В. Местное самоуправление в России (XII — начало XX вв.). М.: Новый юрист, 1998.

6. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л.: Наука, 1969.

7. Макаров В. Б. История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. — 1917 г). Нижний Новгород: ВВАГС, 2000.

8. Иорданский Н. И. Конституционное движение 60-х годов. СПб., 1906.

9. Вагизов Р. Г. Институт Уполномоченного по правам человека: история, теория, практика. Учебное пособие. Казань: КазГУ, 2005.